

и учреждениям, были сделаны такими знатоками, как Пругавин, Засодимский, Прыжов («История кабаков в России», которая, в сущности, является популярной историей России) и другие.

Русское образованное общество, которое раньше наблюдало крестьянство лишь с балконов своих деревенских домов, было таким образом приведено в близкое соприкосновение с различными группами трудящейся массы; и легко себе представить, какое влияние это соприкосновение произвело не только на развитие политических идей, но и на весь характер русской литературы.

Повесть, идеализирующая крестьянина, отошла в область прошлого. Изображение «милых мужичков» в качестве фона и ради противопоставления их идиллических добродетелей недостаткам образованных классов сделалось более невозможным. Попытка воспользоваться народом лишь как материалом для смехотворных рассказов, сделанная Николаем Успенским и В. А. Слепцовым, имела лишь кратковременный успех. Требовалась новая, по преимуществу реалистическая, школа беллетристов-народников. В результате получилось то, что явилось значительное количество писателей, которые, взрыхлив новую почву и проявив высокое понимание обязанностей искусства в деле изображения беднейших необразованных классов, открыли, по моему мнению, новую страницу в развитии повести во всемирной литературе.

Духовенство в России — т. е. священники, дьяконы дьячки, пономари — составляет отдельный класс, стоящий между «классами» и «массами» — ближе к последним, чем к первым. Это в особенности можно сказать относительно деревенского духовенства, причем эта близость была еще теснее лет десять тому назад. Не получая жалованья, сельский священник, а равным образом диакон и дьячок существовали главным образом на доходы, даваемые обработкой земли, приписанной к церкви. Во время моей юности в средней России во время жарких летних месяцев, когда убиралось сено или собиралась жатва, священники всегда даже торопились с обедней, чтобы поскорее вернуться к полевым работам. В те годы жилищем сельского священника был бревенчатый дом, построенный немногим лучше, чем крестьянские избы, с которыми он стоял в ряд, отличаясь от них только тем, что соломенная крыша была «под гребенку», тогда как крестьянские избы покрывались соломой, которая удерживалась на месте свитыми из соломы же жгутами. Одежда священника отличалась от крестьянской более по покрою, чем по материалу, из которого она была сделана, и в промежутке между церковными службами и выполнением треб по приходу священника всегда можно было видеть в поле за плугом или в лугах с косой.

Дети духовенства получают у нас даровое образование в школах духовного ведомства, а после некоторые из них идут в семинарии, и Н. Г. Помяловский (1835—1863) приобрел свою первую, громкую известность описанием возмутительных методов воспитания, практиковавшихся в этих школах в сороковых и пятидесятых годах прошлого столетия. Он был сыном бедного диакона в деревне под Петербургом, и ему самому пришлось пройти через одну из этих школ и через семинарию. Как высшие, так и низшие духовные школы были тогда в руках совершенно необразованного духовенства — преимущественно монахов, и главным предметом обучения было самое нелепое заучивание наизусть абстрактнейшей теологии. Общий нравственный уровень школ был чрезвычайно низок; в них господствовало почти повальное пьянство, а главным побудительным средством к образованию считалось сечение за каждый невыученный наизусть урок, причем секли иногда по два и по три раза в день, с утонченной жестокостью. Помяловский страстно любил своего младшего брата и во что бы то ни стало хотел спасти его от тех жестоких испытаний, которые пришлось перенести ему самому. Он начал писать в педагогических журналах о положении образования в духовных школах, с целью добыть таким путем средства, чтобы поместить своего брата в гимназию. Вслед за тем появился ряд его чрезвычайно талантливых очерков, изображавших жизнь в этих школах, причем целый ряд священников, которые сами были жертвами подобного «образования», подтвердили в газетах справедливость обличений Помяловского. Истина без каких-либо прикрас — голая истина с полным отрицанием формулы «искусство для искусства» — явилась отличительной чертой творчества Помяловского.

Наряду с очерками из жизни школ духовного ведомства и духовенства Помяловский написал также две повести из жизни мелкой буржуазии: «Мещанское счастье» и «Молотов», в которые внесен в значительной степени автобиографический элемент. После него осталась также неоконченная повесть более обширных размеров «Брат и сестра». Он проявил в этих произведениях тот широкий гуманный дух, который воодушевлял Достоевского, отмечая гуманные черты в наиболее падших созданиях; но произведения его отличались той здоровой реалистической тенденцией, которая была отличительной чертой молодой литературной школы, одним из основателей которой был он сам. Он изобразил также, чрезвычайно сильно и трагически, человека, вышедшего из бедных слоев, который